

# **Божественное вмешательство**

## **или**

### **Спасительная теплота зелёных глаз.**

Хмурое небо с удовольствием делилось своими дарами, заставляя одежду липнуть к телу, а волосы – к голове.

На площади с каждой секундой становилось всё больше и больше народу. Все неустанно галдели и переговаривались, глядя на далёкую процессию, уже появившуюся из-за угла тюремного здания. Знатные особы, усевшись на принесённые служанками и оружейниками сиденья, с интересом обсуждали жизнь и плохие деяния тех, кого собирались казнить, в то время как представители низших сословий лишь молча смотрели на грязных нарушителей в рваном тряпье. Кто-то видел здесь своего дядю, кто – отца, а были и те, кто, скрепя сердце, провожал своих возлюбленных грустным взглядом.

И вот процессия приблизилась. Стража, ведущая ряд заключённых, остановилась и выстроила у стены будущих мертвецов. Были те, кто, глядя на плаху, оставались бесстрашными и непоколебимыми. Их не страшила ни Божья Кара, ни закон, ни острое лезвие топора. Кто-то пытался спрятать за суровостью взгляда свой страх перед скорой кончиной, кто-то не отрывал глаз от своих родных и знакомых, но всех объединяло одно – топор палача или верёвка виселицы. Никто толком не знал, как закончится его жизнь, но все знали, когда она закончится.

Появился священник, облачённый в светлое одеяние, следом за ним – люди закона, те, кто будут читать приговор.

Началось движение. Стража встала вокруг места казни, и палач медленно, словно играя с заключёнными, расставлял каждого около плахи, оставляя особо провинившихся у виселицы. Наблюдающие эту процессию зашевелились, будто в нетерпении.

- Гильем Грязнорук, - начали люди закона, - ты обвиняешься в осквернении дочери графа Симона Второго, за что приговоряешься к смерти через повешение.

Молодой парень, бледный, как сама смерть, медленно подошёл к петле. Не сопротивляясь, он был раздет палачом и облачён в белую рубаху смертника. Несколько секунд, и только ноги болтаются в воздухе, подобно ножкам куклы. Всё произошло без единого звука, тихо и спокойно, отчего становилось жутко.

Всю процессию осмысливал и изучал своими серыми тусклыми глазами Фрей Жнец, молодой чёрный маг. Он был уличён за убийством старого конюха для своего обряда, за что был приговорен к смерти месяц назад.

Грязные тёмные волосы облепили голову парня, свисая мокрыми липкими прядями со лба. Его рваная местами мантия опускала тёмной стеной в землю, отчего было сухо и тепло ногам. Но Фрей понимал: скоро он с ней расстанется, как когда-то и с посохом. Его тяжелый взгляд скользил по лицам представителей знати, довольным и упитанным лицам, с толстыми щеками и счастливыми «сытыми» глазами:

«Ненавижу их. И попробуйте сказать, что деньги ничего не решают. Если бы у меня были деньги, я бы...» - довить мысль ему не дала большая тяжёлая рука палача. Парень, задумавшись, прослушал свой приговор, и теперь ему оставалось только идти вперед к петле под напором палача.

Ещё раз оглядев лица богатых и бедных, он сделал вывод, что деньги решают всё: и место в обществе, и судьбу, и уровень жизни. Согласитесь, бедняк, питавшийся испорченной картошкой, не будет счастлив как тот, у кого на завтрак, обед и ужин баранья ножка.

При мысли о еде его живот издал тихое рычание.

«Погоди, малый, на том свете пожуёшь!» - думал Фрей, пока палач одним рывком избавлялся от чёрной ткани мантии.

- Где-ж вас таких уродов берут? – буркнул палач, глянув на посиневшее от побоев тело, усыпанное царапинами и ожогами, одевая белую рубаху.

- С того света немилых отбирают! – процедил Фрей, продолжая смотреть куда-то вдаль, даже не посмотрев на мужчину.

Толкнув парня в спину, палач установил табурет, поставив на него смертника. И вот, петля накинута, приговор зачитан и остался последний вопрос:

- Желает ли приговорённый оспорить приговор, данный ему?

- Нет, - лицо немного побледнело, а глаза стали ещё туманнее и спокойнее.

Вдруг из толпы, вырываясь вперед и расталкивая всех, выбегает девушка и, глядя на то, как палач уже занёс ногу для того, чтобы лишить смертника опоры, закричала:

- Это мой жених! – палач застыл, глядя на представителей органа суда, и удержал табурет от падения, - я хочу... я хочу выйти за него замуж!

Толпа знати ахнула и затихла: все уставились на сумасшедшую, боясь пропустить любую деталь, любое действие, которое она сделает.

Люди закона, глядя то на девушку, то на приговорённого, быстро заговорили между собой.

- В таком случае... в таком случае священник проведёт обряд... Освободите заключённого!

Палач нехотя отрезал петлю, и Фрей спустился на землю с повисшей, привязанной верёвкой на шее.

Серые глаза быстро, но тщательно осмотрели девушку, решившуюся выйти замуж за чёрного мага.

Худое тело, облачённое в простое платье тусклого зелёного цвета, слегка дрожало от дождя, а длинные светлые волосы, подобно плащу, прилипли к спине. Голубые глаза большие, как сапфиры, с любопытством рассматривали будущего мужа.

- Как зовут тебя, дочь моя? – спросил священник у неё, подводя ближе к Фрею.

- Беатрис ла Монер\*, отец, - склонила голову она.

Фрей всё никак не мог понять, что не так с этой Беатрис. Почему она выбрала в мужа какого-то грязного преступника, поставив крест на куда более воспитанных женихах? Что повлекло её?

«Вот бы забраться ей в голову и понять, что она из себя представляет...» - Фрей смотрел на священника, говорящего что-то, но не видел его. Серые глаза были далеко-далеко, за пределами этой площади, как и его мысли.

- Согласны ли вы, Фрей Хэйворд, согласны взять в жёны Беатрис ла Монер? – священник поглядел на парня.

- Да, - только и смог выдавить из себя он.

Фрей не знал, что лучше: быть повешенным или навеки вечные связанным с какой-то незнакомкой, но времени думать не было, и выбор уже сделан.

- Отныне, перед глазами Божьими, вы являетесь мужем и женой.

Толпа загикала, закричала, захлопала в ладоши. Перед глазами Фрея проносились радостные лица, светлые улыбки и сияющие глаза, но сам парень ни разу не повёл бровью.

Вдруг он почувствовал, как маленькая тёплая мокрая рука дотронулась до его ладони. Вздвогнув от неожиданности, Фрей оглянулся: Беатрис аккуратно тронула его за руку и шепнула: «пошли отсюда». То ли от робости, то ли от страха перед преступником она боялась сказать громче или дотронуться сильнее – Фрей не знал.

Молча освободив руку от её мокрой от дождя ладоши, он последовал за девушкой.

Постепенно люди расходились, так как заключённых совершенно не осталось, но на узких улочках было пусто.

Дождь перестал, и тишину улицы нарушало только шуршание сырого платья Беатрис.

Большие дома знати сменились низенькими фермами крестьян, а Беатрис всё шла и шла, изредка оглядываясь на своего молодого мужа.

Начинало смеркаться, как пара дошла до мельницы, стоящей поодаль от всех построек.

- Заходи, - всё также тихо промолвила девушка и приоткрыла дверь в надстройку, присоединяющейся к самой мельнице, - здесь не так просторно, но тебе места хватит.

Фрей молча осматривал помещение. Тёмные доски стен, земляной пол, из мебели: две лавки, стол, стул и высокий шкаф.

- Тебе нравится? – с надеждой спросила Беатрис, а потом села на стул, - хотя что я такое говорю... кому тут понравится? Но я думала, что это лучше, чем казнь... Ой, прости... Я, наверное, много говорю...

Фрей, глянув на Беатрис, изогнул бровь и продолжил молча осматривать комнату. Разговаривать попусту не хотелось, а тем не было, как и рвения к разговору.

- Ты немой, да? Я не буду докучать тебе разговорами, хочешь, я...\

- ... я не немой, - оборвал на полуслове Фрей и, обернувшись на Беатрис, сел на лавку. От его взгляда девушка поёжилась, но осталась сидеть на месте, изредка поглядывая на парня.

- Почему ты выбрала меня? Зачем спасла? – не удержался Фрей, улыбнувшись одним уголком рта, - ведь я могу убить тебя, мог убить тебя прямо на площади!

Беатрис, пожав плечами, ответила:

- Месяц назад, когда в город приезжали артисты, я была у гадалки. Она сказала мне, что в день Божьего вершения суда, когда многие поменяют миры на другие, я встречу свою обитель. Она будет непохожа на остальных, молчалива, но не труслива, смелая, но не дерзкая, задумчивая, но не мечтающая... и я увидела тебя. Ты постоянно о чём-то думал и, как мне кажется, о чём-то светлом. Я... я долго боялась выйти, когда тебе меняли одежду, я думала, что ты – не тот, кто мне предначертан, хоть и был похож на него. Но сердце сделало свой выбор...

Фрей впервые показал все свои эмоции. Он сделал это невольно: брови поднялись вверх, глаза удивлённо и, в то же время, восхищённо взглянули в глаза Беатрис, а руки, спокойно лежавшие на коленях до этого, начали теревать край рубахи.

- Что...- пытался привести мысли в порядок он, - что ещё предсказала тебе гадалка?

После долгого молчания, Беатрис ответила:

- Что у меня будет трое детей от этой обители, тёплый дом и счастье по углам...

Дальше Фрей не слушал, он лишь смотрел тёплым взглядом серых глаз на свою жену, Беатрис ла Монер, и не говорил ни слова.

Вдруг девушка упала на колени перед Фреем:

- Я обещаю быть любящей женой, хорошей хозяйкой и доброй матерью для твоих детей! Прошу, ответь же, будешь ли ты любить меня?

Фрей обескураженно поглядел на слёзы, капающие из глаз Беатрис, и, подняв девушку на ноги, крепко обнял её, шепнув:

- Я уже начинаю любить тебя...